

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ К. В. ВЯТКИНОЙ О ПОЕЗДКЕ В ДЕТСКОЕ СЕЛО В СЕНТЯБРЕ 1928 г.

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
А. В. Вострикова)

Аннотация: В публикуемой записи, сделанной в личном дневнике этнографом-монголоведом К. В. Вяткиной, описывается один вечер осени 1928 г., проведенный в Детском Селе (бывшее Царское Село) под Ленинградом в гостях у А. Н. Толстого. Особый интерес представляет отмеченное автором отличие высказанных в дружеском кругу мнений и оценок, касающихся новостей литературной жизни, от тех, которые в то время печатались в официальной прессе. Среди гостей А. Н. Толстого в тот вечер были В. Я. Шишков, Е. И. Замятин, Н. К. Радлова и другие; разговор касался издания дневников А. А. Блока, поездки М. Горького по СССР и его романа «Жизнь Клима Самгина», творчества И. А. Бунина.

Ключевые слова: Капитолина Васильевна Вяткина, Алексей Николаевич Толстой, Вячеслав Яковлевич Шишков, дневники Александра Блока, возвращение Максима Горького в СССР, творчество Ивана Бунина.

Abstract: This entry from the personal diary of Kapitolina Vasilievna Vyatkina, an ethnographer and expert on Mongolia, describes an evening in the fall of 1928 that she spent in Detskoe Selo (formerly Tsarskoe Selo), near Leningrad, as a guest of Alexey Tolstoy. Of particular interest is the difference the author noted between the opinions and appraisals of current literary developments expressed among friends and the official views appearing in print at that time. Tolstoy's guests included Vyacheslav Shishkov, Yevgeny Zamyatin, Nadezhda Radlova, and others; their conversation touched upon the publication of Alexander Blok's diaries, Maxim Gorky's travels around the USSR as well as his novel *The Life of Klim Samgin*, and the works of Ivan Bunin.

Key words: Kapitolina Vasilievna Vyatkina, Alexey Nikolaevich Tolstoy, Vyacheslav Yakovlevich Shishkov, Alexander Blok's diaries, Maxim Gorky's return to the USSR, Ivan Bunin's works.

Капитолина Васильевна Вяткина (урожд. Юрганова; 1892–1973) провела детство в западной Монголии, в небольшом селении неподалеку от г. Улясутай (современное название – Улиастай), где обосновался ее отец, один из первых русских купцов-поселенцев; впоследствии, учась в Бийской женской гимназии, в каникулярное время часто навещала родителей; она любила природу; постоянно общаясь с местными жителями, в совершенстве выучила монгольский язык, интересовалась культурой и обычаями. Около 1910 г. она познакомилась со знаменитым путешественником, исследователем Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потаниным (1835–1920), который обратил внимание на девушку и поощрил ее научные интересы; при его содействии вышла ее первая печатная работа.¹

¹ Юрганова К. В. От Увалы до Отхан-Хаирхана: (Путевой дневник) / [предисл.: Г. Потанин]. Томск: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912 (Труды Томского общества изучения Сибири; Т. 2, вып. 2).

По окончании гимназии Юрганова решила продолжить учебу, но не на Сибирских высших женских курсах, открытых в Томске 1910 г. при деятельном участии Потанина, а на С.-Петербургских «Бестужевских», куда и поступила в 1912 г. (физ.-мат. отделение; группа биологии); окончила курсы в 1918 г.²

Во время каникул Юрганова часто бывала в Томске, где с 1902 г. жил Потанин и где вокруг него группировались сибирские литераторы и ученые. В 1915 г. она вышла замуж за поэта и прозаика Георгия Андреевича Вяткина (1885–1938). По окончании курсов вместе с мужем жила и работала в Омске.³ Брак оказался непрочным, и в 1922 г. супруги развелись. К. В. Вяткина переехала в Петроград и поступила на службу в Комиссию по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (с 1933 г., после преобразований – в составе Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР). Вяткина занимала должности ученого секретаря Комиссии, научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующей группой; неоднократно принимала участие в научных экспедициях, автор более 40 научных работ, кандидат исторических наук (1935 г., без защиты).⁴

В 1915 г. в Томске Вяткина познакомилась с Вячеславом Яковлевичем Шишковым (1873–1945), знакомство продолжилось в Петрограде, где Шишков обосновался в конце того же года, женившись на К. М. Жихаревой;⁵ знакомство вскоре переросло в достаточно короткую дружбу. В 1922 г., узнав о переезде Вяткиной в Петроград, Шишков предложил ей поселиться у него.⁶ Вскоре брак Шишкова с Жихаревой распался, сам Шишков все больше времени проводил

² Копия свидетельства об окончании, датированная 14 марта 1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 84).

³ Г. А. Вяткин в 1915–1917 гг. был на фронте в составе санитарных отрядов Всероссийского союза городов; с 1918 г. в Омске сотрудничал в эсеровских и колчаковских изданиях; в 1920 г. по приговору омского ревтрибунала лишен избирательных прав на 3 года. Впоследствии занимался литературной и редакторской работой. Арестован в декабре 1937 г., расстрелян 8 янв. 1938 г. См. о нем: Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 506–507 (ст. В. П. Трушкина); *Зубарев А. Е., Вяткин Г. А.* Носите Родину в сердце. Из милого далёка... Омск: Изд-во «Полиграф», 2016.

⁴ См.: *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI века: библиографический словарь. М.: Вост. лит-ра, 2008. Кн. 2. С. 261 (с неточностями). Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Л. Русиновой за помощь в сборе биографических сведений о К. В. Вяткиной.

⁵ См. черновик письма К. В. Вяткиной Н. Н. Яновскому (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 15, л. 7–7 об.). Об обстоятельствах написания этого письма см. ниже.

⁶ В это время Шишков жил в полученной при помощи М. Горького квартире в «Первом Отеле Петросовета» (ул. Троицкая, д. 4, кв. 7 – теперь ул. Рубинштейна). К. М. Жихарева вспоминала: «Постепенно нас стало больше. Первым осенью 1922 года приехал с юга мой отец, потом – давнишняя приятельница Вячеслава Яковлевича по Сибири, Капитолина Васильевна Вяткина, за ней – жена Г. Д. Гребенщикова с сыном. Мы жили дружной коммуной, и летом 1923 года все вместе переселились в огромную разрушенную квартиру на Караванной...» (Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1987. С. 112–113; далее: Вячеслав Шишков в воспоминаниях). С 1920 по 1991 г. Караванная официально называлась улицей Толмачева, однако в обиходной речи чаще пользовались старым названием. В этой квартире (ул. Толмачева, д. 18, кв. 8) Вяткина прожила до самой смерти. В составе личного архива К. В. Вяткиной (Юргановой), поступившего после ее смерти в Рукописный отдел Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 742), сохранились и материалы разбегавшихся жильцов, в том числе черновики и книги В. Я. Шишкова.

в разъездах по стране, а Вяткина неожиданно для себя оказалась в роли хозяйки в квартире, следя за своевременным внесением квартплаты, получая (а иногда и реферируя) шишковскую корреспонденцию и выполняя его мелкие поручения. Сохраненные Вяткиной письма Шишкова свидетельствуют о том, что в 1925–1926 гг. между ними произошел роман (если это слово в данном случае уместно), однако интимные сентиментальности достаточно быстро сменились извинениями и сожалениями,⁷ а затем все более нарастающей неловкостью в попытках поддержания прежних товарищеских отношений.

Еще в 1926 г. у Шишкова возникла мысль отказаться от городской квартиры и поселиться в Детском Селе (так с 1918 г. стало называться Царское Село; теперь г. Пушкин);⁸ в начале 1927 г. он нанял там небольшую квартиру в доме 20 по ул. Колпинской и какое-то время жил на два дома. Но в июле того же года В. Я. Шишков женился на Клавдии Шведовой,⁹ дочери своей двоюродной сестры и ближайшей подруги детства Раисы,¹⁰ и, вернувшись к концу года из длительных путешествий по стране, поселился с молодой женой в новой просторной квартире в доме 14 по ул. Малой. Человек по складу характера чрезвычайно контактный, привыкший постоянно находиться в большой компании (и даже быть в центре компании), Шишков в 1928 г. производит «перезагрузку» своей жизни и своего круга, исходя из новых статусов. Ему уже «за пятьдесят», он автор не только многочисленных «шутейных рассказов», но и полноценного 12-томного «полного» собрания сочинений, выходящего в издательстве «Земля и фабрика», кроме того, опубликована первая часть его «большого романа» «Угрюм-река»; он избран членом правления (а затем и председателем) Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. И вместе с тем он, пусть и «попутчик», но самобытен, крепок народным сибирским умом и идеологически не зашорен.¹¹ Легкий и открытый в повседневном

⁷ Ср.: «Как мы ни ругаемся, как я ни обижаю тебя – но ты мне близка и родна...», и далее: «... тот путь, который мы прошли с тобой...» (письмо от 23 сент. 1926 г. – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 33–34).

⁸ Ср. его шутливую фразу в письме к Вяткиной от 29 авг. 1926 г.: «... я все-таки думаю жить в Детском – уж очень хороши компоты Сологуба...» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 32).

⁹ *Шишкова Клавдия Михайловна* (урожд. Шведова; 1906?–1993). В архиве Вяткиной сохранилось извещение о заседании суда, на котором она должна была присутствовать как «председатель Месткома Академии Наук», с ее памятной записью: «26 июля <1927 г.> свадьба Шишкова. Поэтому не была» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 86). Отношение Вяткиной к свадьбе Шишкова было, видимо, неоднозначным. 24 окт. 1927 г. Шишков писал ей: «... Я похорошел, Клавдиша тоже. <...> Предсказания твои не сбылись еще, да, вероятно, никогда не сбудутся – живем с ней – ай-люли!» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 47).

¹⁰ *Шведова Раиса Яковлевна* (урожд. Стукачева; ?–1955). Ее мать Александра Дмитриевна Стукачева была родной сестрой Якова Дмитриевича Шишкова, отца будущего писателя. См. «Воспоминания о брате» А. Я. Шишкова: Вячеслав Шишков в воспоминаниях. С. 34 и сл.

¹¹ В июне 1933 г. после публикации второй части романа он очень резко сформулирует это в письме П. С. Богословскому: «Похвал за “Угрюм-реку” мне никаких не будет: я лично не знаком с И. В. Сталиным, не обслуживаю М. Горькому, вообще – веду себя так, что, не имея высоких общественно-говорильно-ораторских заслуг, не сумел, видимо, заслужить к себе благорасположения “критиков”...» (цит. по: *Суматохина Л. В.* Максим Горький и Вячеслав Шишков о русском крестьянстве: (К вопросу о личных и творческих отношениях писателей в 1920-е годы) // Сибирские огни. 2010. № 3. С. 167).

общении, искренний и бескорыстный в дружбе,¹² Шишков вполне вписался в своеобразную детскосельскую культурную жизнь, коротко сойдясь со многими старожилками и регулярными гостями.

Особенно близкие отношения установились у Шишкова с А. Н. Толстым, который в Детском был тоже новоселом, однако, поселившись на новом месте со чады и домочадцы, быстро стал самой заметной фигурой местной культурной диаспоры, зажив со ставшими легендарными широтой, гостеприимством и хлебосольством. Люди разного образования и культурного уровня, разной судьбы, разного масштаба и направления литературного дарования, Шишков и Толстой оказались в состоянии удивительной человеческой дополненности. Много лет спустя сын Толстого назвал дружбу отца с Шишковым «многолетней и, по-видимому, единственной настоящей», отмечая и совершенно искреннюю «привязанность Вячеслава Яковлевича ко всему нашему дому».¹³ Для Шишкова в его отношении к Толстому сошлось очень многое: и наивная, почти детская отзывчивость на доброе к себе отношение, и потребность в уверенном авторитетном совете (хотя Толстой и был почти на 10 лет моложе), и, конечно, тешащая самолюбие близость к на глазах канонизируемому живому классику становящейся советской литературы.

Публикуемая запись относится к началу осени 1928 г., когда воскресные обеды в Детском у Толстого еще не стали общеизвестным мероприятием местной жизни, а состав их постоянных участников (впрочем, всегда открытый)¹⁴ только определялся. Шишков пригласил Вяткину к себе в гости как давнишнего сибирского друга (и, видимо, как будущего друга семьи), а затем повел ее на обед к Толстым, чтобы и свой новый круг предъявить лицом и, может быть, угостить хозяев оригинальным гостем. Последнее, кажется, не удалось: судя по записи, Вяткина деятельного участия в разговоре не приняла. А вот слушала очень внимательно и в самое короткое время (чуть ли не на обратном пути в Ленинград) записала то, что запомнилось.

Вяткина хорошо знала сибирских писателей по Томску и Омску, в дореволюционном Петрограде бывала на журфиксах у издателя М. В. Аверьянова, а в 1920-е гг. через Шишкова познакомилась и с некоторыми ленинградскими литераторами. Но у Толстого она частным образом столкнулась с литературой совершенного иного калибра. Здесь непринужденный table-talk касался людей, не только творчество, но и общественная позиция, и даже личная жизнь

¹² Ср. запись в дневнике, сделанную К. А. Фединым 6 марта 1945 г., в день смерти Шишкова: «А по качествам души – был редкостью. Человек-Добро, человек-Вера, он был национален во всех проявлениях. И потому он пленял собою столь далеких и разных людей – истинного мастера Замятина, стихийный талант Толстого, эстета Радлова» (*Федин К. А. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1986. Т. 12. С. 101*).

¹³ *Толстой Д. А.* Для чего все это было. СПб.: Библиополис, 1995. С. 34, 42; далее: *Толстой Д. А.*

¹⁴ Валентина Ходасевич вспоминала: «По воскресеньям к нему приезжали на целый день из Ленинграда, в большом количестве, разнообразнейшие люди», и далее: «на вопрос домашних: > “Кто же придет?” – он говорил: “Не приставайте! Мотался по городу, наприглашал не помню кого, но безусловно все – чудные люди! Вот сами увидите”» (Воспоминания об А. Н. Толстом. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1982. С. 237, 238).

которых представляли собой общеинтересные факты литературной жизни, и один из них заправлял застольем. Контраст между публичными образами и мнениями – и тем, что она услышала и увидела, контраст естественный и не вызывающий ни у кого (в том числе и у нее) никакого протеста, составил для Вяткиной главную занимательность вечера – и, соответственно, основное содержание записи.

Спустя несколько дней после описанного обеда К. В. Вяткина снова оказалась в Детском Селе. 30 сент. она писала В. Я. Шишкову: «Дорогой Вячеслав Яковлевич! Сижу сейчас в санатории (Колпинская, 1), никуда не выпускают и книг здесь нет. По этому случаю дай мне каких-нибудь книжонок, а когда будет время, загляните ко мне с Клавдюшей».¹⁵ Неизвестно, состоялось ли это посещение, однако затем в течение совсем короткого времени общение между старыми сибирскими друзьями сошло на нет. Другом новой семьи Шишкова Вяткина так и не стала. Сохранилось нескольких коротких писем, в которых он благодарил за пересылку его корреспонденции; в последнем, датированном 3 дек. 1929 г., приглашал вместе с общими знакомыми посмотреть его новую квартиру на ул. Московской, 7.¹⁶ Позднейших материалов, свидетельствующих об общении Шишкова с Вяткиной, в ее архиве нами не обнаружено.

Капитолина Вяткина не оставила воспоминаний о литераторах, с которыми ей приходилось встречаться и общаться в своей жизни. Единственный (и незаконченный) опыт в этом жанре представляет собой мучительную попытку описания реальной жизни казенным языком советской публицистики и литературной критики.¹⁷ Публикуемая дневниковая запись представляет интерес не только упомянутыми в ней именами и мнениями, но и как элемент парал-

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 12, л. 1. – В д. 1 по Колпинской ул. располагался диспансер для туберкулезных больных. См.: Энциклопедия Царского Села // Режим доступа: <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/oktjabrskii-bulvar-6-u-dom-skorosphehova.html#>. WOKpR9SLTDe (дата обращения: 04.05.2018).

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 15, л. 3, 4–4 об.

¹⁷ В марте 1973 г. исследователь сибирской литературы Н. Н. Яновский, случайно узнав адрес К. В. Вяткиной, обратился к ней с просьбой написать «нечто вроде воспоминаний» или же просто дать хотя бы минимальные сведения о себе и о знакомстве с В. Я. Шишковым (открытка из Новосибирска, датирована 5 марта 1973 г. – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 79). Сохранилась тетрадка с черновиком ответного письма, в котором Вяткина, извиняясь за задержку с ответом, несколько раз принималась за воспоминания. Однако собственно биографические сведения о Шишкове ограничились несколькими фразами, а основной объем текста составлялся из клише советской публицистики в худших ее образцах: «Суровая сибирская действительность в эпоху царского самодержавия широко запечатлена Шишковым в таких известных его произведениях, как роман “Угрюм-река” или первая большая повесть “Тайга”, тепло встреченная А. М. Горьким»; «Все виды и все формы творческого труда Вячеслава Яковлевича проникнуты мыслью высокого служения советскому народу»; «В его произведениях можно видеть силу и красоту современников, прославляющих героизм подвигов народа, историческую правоту и движение к коммунизму»; «Его общественное мировоззрение складывалось под влиянием теоретиком социализма» и т. п. (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 15, л. 1–7). Во время работы над этим письмом Вяткина уже была тяжело больна; 13 сент. 1973 г. она скончалась. Судя по всему, она так и не ответила Н. Н. Яновскому; никаких ее воспоминаний о Шишкове опубликовано не было (см.: Воспоминания о В. Шишкове / сост. Н. Н. Яновский. М.: Сов. писатель, 1979; Вячеслав Шишков в воспоминаниях).

тельной неофициальной картины литературной жизни, сосуществовавшей в сознании простого советского человека с картиной официальной.

Записная книжка К. В. Вяткиной (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 4), размер 9 × 14 см; из 96 листов использованы только л. 13–26. Публикуемая запись – первая по хронологии и самая объемная (л. 13–20; последующие записи по содержанию с публикуемой не связаны). При подготовке публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

23 сентября 1928 г.¹ Ленинград.

Погода пасмурная, дождь. Все же еду в Детское <Село> к Шишковым. Около 4 часов дня попадаю к ним на Малую, 14. Влетаю в столовую. Вячеслав Яковл<евич>, Клавдюша и Раиса Яковлевна пьют кофе. Все радостно бросаются ко мне: «Когда приехала? Хорошо ли было?». – Рассказываю про Германскую экспедицию в Бурято-Монголию.² «Чорт возьми, – говорит В<ячеслав> Я<ковлевич>, – умеют люди ездить, не так, как наши».

Заходит Лев Васильевич Сергеевич³ с сыном Васей. Болтаем минут 20. Шишковы торопятся на обед к Толстым. Сергеевич уходит. Меня Шишковы тащат к Толстым.

В передней встречает Алексей Николаевич. Первый раз встречаюсь близко. На улице он мне всегда казался толще и импозантнее. Хорошо выбритое лицо. Барская осанка. Шишков шутит и представляет меня как путешественницу по Монголии и Бурятии. А<лексей> Н<иколаевич> смеется и приглашает нас в комнату Натальи Васильевны,⁴ где я встречаю супругов Замятиных,⁵ артистку Большого драматического театра Николаеву с мужем и дочкой,⁶ жену Радлова,⁷ поэта Анненского⁸ с женой и еще несколько незнакомых мне лиц.

Толстые только что переехали в Детское, за тысячу рублей они отделали квартиру в 7 комнат на <пропуск в тексте> ул.⁹ Стильное и богатое убранство квартиры обращает внимание; красивая и живая хозяйка придает еще больше уюта.

За столом под кулебяку и водку А<лексей> Н<иколаевич> рассказывает анекдот: «Вы знаете, господа, ехал по улице автомобиль, а тут вдруг выбегает курица; автомобиль насккивает на курицу, у курицы хвост летит в одну сторону, перья в другую; лежит бедная курица, зарывшись в песок, а потом вдруг поднимает голову и говорит: “Ух! Вот так петух!...”».

Все смеются. Муж Николаевой повторяет анекдот на голландском языке.

Подвыпив, А<лексей> Н<иколаевич> рассказывает о своем школьном друге, в настоящий момент инженере, фамилии которого он и сам не помнит. Инженер, появившись в этот день до обеда на кровном рысаке, ни за что не хотел остаться обедать. Н<аталья> В<асильевна> с большим юмором продолжает: когда весть разнеслась о человеке, приехавшем на кровной лошади, то в гостиную врывались то один, то другой человек и спрашивали, «где кровная лошадь», – инженер молча и вежливо вставал и раскланивался.

Разговор заходит о сегодняшнем дне.¹⁰ Оказалось, что многие сегодня были в церкви: Шишковы и Людмила Николаевна Замятина в Софийском соборе,¹¹ кто-то, не помню, – в Феодоровском.¹² С большим удивлением слушаю и смотрю на этот осколок русских литераторов, живущих настроениями и чувствами далеких дореволюционных дней.

Прощаясь с женой Анненского, Наталья Васильевна спрашивает: «Я слышала, Вы хорошо гадаете; как жаль, что торопитесь. В следующий раз непременно будете гадать».

Возвратившись к гостям, Н<аталья> В<асильевна> рассказывает, как несколько лет тому назад она в Париже была у знаменитой гадалки и как та верно предсказала какое-то неприятное событие, наступившее очень быстро. –

«Мне было очень страшно, я думаю, что как раз гаданье навлекло это событие, а потом, конечно, и грешно было, ведь была Страстная неделя. С этого времени я решила никогда больше не гадать серьезно».

В<ячеслав> Я<ковлевич> рассказывает про святую, тоже удивительно гадавшую.

После обеда садимся играть в слова. На буквы, стоящие в одном слове, пишутся новые слова; кто напишет больше неодинаковых слов, тот и выиграет. На слове «виноград» выигравшим оказывается Алексей Николаевич, так как он придумывает слова «говно»¹³ и «гнида», которые никто из игравших не решается написать, а на слове «восклицанье» выигрывает Замятин, придумав «вонь» и «кал».

После игры в слова садимся играть в подкидные дураки; большим любителем игры оказывается Замятин.

За чаем Анненский говорит о первой части дневника Блока: «Дневник ничего не дает, весь он написан под знаком Пяста: “был Пяст”, “говорил с Пястом” и больше ничего. Ни одного разговора. В стихах больше сказано. Ведь, господа, когда вы читаете: “Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, ай”, то какие таинственные дали открываются, а в дневнике – ничего, короткая заметочка».

Шишков замечает: «Жаль, что это попало в руки Медведева П. Н. и Любви Дмитриевны; по-видимому, оскопили здорово».

«Мне кажется, Любовь Дмитриевна выбросила все, где говорилось о других женщинах; по-видимому, ей это было невыгодно», – говорит Нат<алья> Вас<ильевна>.¹⁴

Разговор заходит о Горьком: «Вы, господа, думаете, почему Горький ездит по России – он при заключении договора дал подписку о том, чтобы таким способом рекламировать свои издания», – говорит Наталья Васильевна.

«Нет, Тусинька, совсем не свои издания, – замечает Толстой, – а рекламировать Советскую Россию».¹⁵

«Ужасная вещь его “Клим Самгин”,¹⁶ – говорит Нат<алья> Вас<ильевна>, – человек окаменел в какой-то классической позе и не хочет пошевелиться. Я думаю, мало кто читает ее до конца».

«Большевики читают, Тусинька, – говорит Толстой. – Я нынче в Кисловодске¹⁷ со многими говорил – все приходят в восторг, а я вижу насквозь, что не читали. Ведь вот возьмите Бунина Ивана. Говорят, стал прекрасные вещи писать, а все оттого, что влюбился в 20-летнюю женщину.¹⁸ Как он ныл за границей, какая скучища была читать все его вещи, не лучше “Клима Самгина”, а вот подите ж, как меняется человек. Помню, как в Париже он однажды явился ко мне. Комната у меня была маленькая: стол, кровать да маленькая кушетка. Я писал “Хождение по мукам”, а Иван сидел мрачно на диване и говорил: “Брось писать, все равно не кончишь”. А все-таки он очень талантливый, и сейчас в Москве его много читают».¹⁹

«По-моему, Иван Алексеевич очень честолюбивый человек, – замечает Н<аталья> В<асильевна>. – Если б ему сказали, что в России его много читают и ценят, то он бы согласился приехать на каких угодно условиях».

Толстой продолжает всем доказывать талантливость Бунина и в заключение читает отдельные его рассказы.

В 11 час <ов> я и Евгений Иванов<ич> Замятин едем в Ленинград.

¹ Воскресенье.

² Имеется в виду Советско-германская экспедиция по изучению сифилиса в Бурят-Монгольской АССР, работавшая в мае – августе 1928 г. См.: *Прохоренков В. И., Обухов А. П., Родиков М. В.* О Советско-германской экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монгольской АССР (1928 г.) // Сибирский медицинский журнал. 2011. № 4. С. 135–137.

³ *Сергеевич Лев Васильевич* (1876–?) – библиограф; в 1920-е гг. сотрудник Комиссии по составлению справочника «Наука и научные работники СССР» (Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. Л.: АН СССР, 1926. С. 29); в 1935 г. выслан из Ленинграда (см.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 245). В тексте Вяткиной ошибочно: *Сергеевич*.

⁴ *Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна* (1888–1963) – поэтесса; жена А. Н. Толстого с 1914 по 1935 г.

⁵ *Замятин Евгений Иванович* (1884–1937) – писатель; *Замятина Людмила Николаевна* (урожд. Усова; 1883–1965). И Толстой, и Шишков были знакомы с Замятинными еще с дореволюционного времени; могла быть знакома с ними (или с одним Е. И. Замятинным) и К. В. Вяткина.

⁶ *Николаева Августа Николаевна* – актриса БДТ; ее муж – *Пельтенбург Генрих Федорович*, голландский подданный, в СССР был представителем лесоторговой фирмы, принадлежавшей его дяде; А. Н. Толстой был знаком с ним со времен эмиграции (см.: *Толстой Д. А.* С. 78; см. также коммент. Г. А. Морева в изд.: *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. С. 346; далее: *Кузмин*).

⁷ Вероятно, *Радлова Надежда Константиновна* (урожд. Плансон, по первому мужу Шведе; 1894–1944) – художница, жена художника *Радлова Николая Эрнестовича* (1889–1942). Толстые близко дружили с Радловыми, а впоследствии и породнились: дочь Радловых Лидия в 1934 г. вышла замуж за Ф. Ф. Волькенштейна, сына Н. В. Крандиевской-Толстой от первого брака. Н. К. Шведе-Радлова была хорошо знакома с А. Н. Николаевой (см.: *Кузмин*. С. 346). В. Я. Шишков тоже был хорошо знаком с Н. Э. Радловым. Бывали у Толстых и брат Н. Э. Радлова – режиссер *Сергей Эрнестович Радлов* (1892–1958) и его жена поэтесса и переводчица *Анна Дмитриевна Радлова* (урожд. Дармолатова; 1891–1949), однако они, по свидетельству Д. А. Толстого, «частыми гостями не стали» (*Толстой Д. А.* С. 15).

⁸ *Анненский Валентин Иннокентьевич* (1880–1936) – поэт, прозаик (псевд.: Кривич); сын И. Ф. Анненского; в 1928 г. служил зав. канцелярией КЕПС АН СССР (Весь Ленинград и Ленинградская область: адресная и справочная книга на 1928 год. Л.: Орготдел Ленингр. Обл. исполкома и Ленинградского Совета, 1928. Отд. 2. С. 84); старожил Царского Села. Известна характеристика, данная ему Э. Голлербахом: «опекун рукописных писателей, амфиотрон литературных чаепитий, кладезь анекдотов и рог сатирического изобилия, энтузиаст российского слова и верный блюститель “заветов милой старины”» (*Голлербах Э. Ф.* Город муз: Повесть о Царском Селе. 2-е изд. Л.: тип. ЛСПО, 1930. С. 165–166). В рукописи фамилия написана с ошибкой: *Анинский*.

⁹ Решив поселиться в Детском Селе, А. Н. Толстой в мае 1928 г. нанял второй (верхний) этаж в д. 10 по ул. Московской у домовладельца Цыганова. Непосредственный переезд семьи Толстых состоялся после ремонта новой квартиры «осенью 1928 года» (*Толстой Д. А.* С. 18).

¹⁰ 21 сент. (н. ст.) празднуется Рождество Пресвятой Богородицы; праздничные службы служатся до 25 сент.

¹¹ Софийский собор (традиционное название Вознесенского собора в Царском Селе) построен в 1782–1788 гг. по проекту арх. Ч. Камерона.

¹² Феодоровский Государев собор построен в Царском Селе в 1909–1913 гг. по проекту арх. В. А. Покровского; закрыт в 1934 г.

¹³ Обычно в подобных играх не разрешается дважды использовать одну и ту же букву, так что Толстому пришлось нарушить или правила игры, или правила орфографии (предложив написание через первое «а»). А. Н. Толстой иногда бравировал «народной» речью, что отмечали многие мемуаристы (ср., напр., в воспоминаниях Л. Р. Когана: «Он любил крепкое слово, умную шутку»). Воспоминания об А. Н. Толстом. С. 200). Свою жизнь в Детском Селе он первое время воспринимал, видимо, именно как сельскую, в связи с чем активизировались соответствующие лексические пласты. Ср. в письме к С. Ф. Буданцеву от 27 марта 1928 г.: «В Царском сейчас, как в раю, ясные дни, весенний ветер, на улицах течет говно. <...> Скоро в Царском будет литературная колония» (Переписка А. Н. Толстого. М.: Худ. лит-ра, 1989. Т. 2. С. 60). Отметим попутно твердое убеждение, что «литературная колония» в Детском появится только с его приездом.

¹⁴ Имеется в виду изд.: Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / под ред. П. Н. Медведева. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. Вторая часть издания (Дневник Ал. Блока. 1917–1921), вышедшая в этом же году, видимо, ко времени разговора еще не была отпечатана. Готовивший публикацию Павел Николаевич Медведев (1891–1938) – историк литературы и литературный критик, пионер научного издания наследия А. А. Блока и один из первых его биографов – в предисловии писал: «Нашим желанием было, конечно, опубликование дневника в полном и неприкосновенном виде. Но то обстоятельство, что многие записи относятся к живущим еще лицам, заставило нас произвести из текста некоторые, правда, не очень значительные, изъятия. В частности, мы были вынуждены опустить все, что касается чисто личных отношений поэта к его супруге, Л. Д. Блок, оставив, впрочем, то, что представляет общественно-бытовой интерес» (С. 13–14). Кроме того, часть имен была скрыта под астерисками. Публикация была снабжена комментариями, впрочем, достаточно краткими. О названном в разговоре и действительно очень часто упоминаемом Блоком Владимире Алексеевиче Пясте (наст. фамилия: Пестовский; 1886–1940), в частности, сказано только: «...поэт-символист, друг Ал. Блока», со ссылкой на его «Воспоминания о Блоке» (С. 218), т. е. не раскрыты даже имя и настоящая фамилия. Прочитированные В. И. Анненским строки – из стихотворения А. А. Блока «В ресторане» (1910); какую именно «короткую заметочку» из дневника Анненский считал имеющей отношение к этому тексту, неизвестно. П. Н. Медведев был хорошо знаком и с А. Н. Толстым, и с В. Я. Шишковым, и с некоторыми другими участниками разговора. Так, в личном фонде К. В. Вяткиной сохранились книги, подаренные Медведевым Шишкову с дарственными надписями, в частности: Памяти Блока: Сб. материалов / под ред. П. Н. Медведева. 2-е изд. Пб.: Поляр. звезда, 1923 («Дорогому и доброму Вячеславу Яковлевичу Шишкову. Павел Медведев. 6.X.924. Пб») – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 2, № 56); а также: Блок А. А. Незданные стихотворения: 1897–1919 г. / ред. и примеч. П. Н. Медведева. Л.: Жизнь искусства, 1926 («Дорогому Вячеславу Яковлевичу Шишкову с любовью. Павел Медведев. 22.I.926») – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 2, № 6). Медведев бывал у Шишкова в Детском Селе; в письме Вяткиной от 9 мая 1927 г. Шишков писал: «Вчера, в воскресенье, у меня были гости: трое Кустодиевых, трое Кузминых, Замятина, Гребенщиков, Медведев» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 41 об.). Пристрастность высказываний В. И. Анненского отчасти объясняется его работой над воспоминаниями, биографией и изданием наследия его отца (см.: Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л.: Наука, 1983. С. 61–68).

¹⁵ В мае 1928 г. Максим Горький впервые с 1921 г. побывал в СССР. Его приезд, организованный советским правительством, был обставлен с большой помпой, включающей многодневную народную встречу на Белорусском вокзале (28 мая), выступление на пленуме Моссовета, многочисленные встречи и поездку по стране (июль–август). Было подготовлено юбилейное издание: Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. Груздева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928; в числе авторов были и А. Н. Толстой («Ранний Горький»,

с. 127–138) и В. Я. Шишков («Встречи», с. 225–252). С 1928 г. Государственное издательство начало выпуск собрания сочинений М. Горького (23 т.; окончено в 1932 г.). Осенью Горький вернулся в Италию. О своей поездке он написал цикл очерков «По Союзу Советов» (1929).

¹⁶ В 1928 г. была опубликована вторая часть романа.

¹⁷ В июле–августе 1928 г. А. Н. Толстой отдыхал в Кисловодске и должен был вернуться домой 8 сент. (см. его письмо к Н. В. Крандиевской-Толстой от 17 авг. 1928 г. и примеч. Е. Ю. Литвин в сб.: А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 473).

¹⁸ Имеется в виду Г. Н. Кузнецова, весной 1927 г. поселившаяся с Буниным и его семьей в Грасе.

¹⁹ Переход в разговоре от Горького к Бунину для А. Н. Толстого не случаен. В упомянутой выше статье «Ранний Горький» он сопоставлял этих авторов (и Чехова), писал о «беспощадном и злом» реализме Бунина (с. 127), о том, что «Чехов и Бунин изображали жизнь с неповторимым мастерством и правдивостью» (с. 138). Позднейшие публичные высказывания Толстого о Бунине обусловлены политической конъюнктурой. Ср.: «Я прочел три последние книги Бунина <...>. Я был удручен глубоким и безнадежным падением этого мастера. <...> Судьба Бунина – наглядный и страшный пример того, как писатель-эмигрант, оторванный от своей родины, от политической и социальной жизни своей страны, опустошается настолько, что его творчество становится пустой оболочкой, где ничего нет, кроме сожалений о прошлом и мизантропии» (интервью газ. «Литературный Ленинград» 23 нояб. 1936 г. – *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 13. С. 517–518). Подробнее о взаимоотношениях А. Н. Толстого и И. А. Бунина см.: *Куванова Л. К.* А. Н. Толстой и И. А. Бунин. К публикации письма Бунина // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 186–194.

Библиографический список

1. *Блок А. А.* Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / под ред. П. Н. Медведева. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928.
2. Воспоминания об А. Н. Толстом. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1982.
3. Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1987.
4. Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. Груздева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
5. А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985.
6. *Толстой Д. А.* Для чего все это было. СПб.: Библиополис, 1995.